

ПАТРИАРХ НИКОН В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ

XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.

Н.В. Воробьева – канд. истор. наук, доцент

Рассмотрен образ патриарха Никона в трудах историков XVIII – первой половины XIX вв. Цензурные сложности, неразработанность и недоступность архивной базы, определенная заданность рамок рассмотрения проблемы патриаршества в России привели к искусственному моделированию образа патриарха Никона как развенчанного антигероя. В рамках апологетического направления создавался методологический аппарат, способствующий возможному осмыслению источниковой базы.

В статье рассматриваются особенности становления критической традиции рассмотрения личности патриарха Никона на основе генезиса авторского конструирования конкретного образа как ценностно-ориентированного знака, потребляемого общественным сознанием.

В отечественной исторической науке принято считать, что первое официальное свидетельство о начинающемся в Русской православной церкви расколе можно отнести к периоду после 21 декабря 1662 г. [1: 135–139, 242–246]. Идея “вины” патриарха Никона за раскол, рассмотрение фигуры опального патриарха как “захватчика” царской власти, “русского папы”, объяснение поступков патриарха Никона гордостью было введено в ранг историографических аксиом Паисием Лигаридом в его “Истории суда над патриархом Никоном”: “Кто более *гордился* (выделено мной – *Н.В.*), чем он, множеством сел, количеством населения в своих владениях, чем Никон, когда он был Патриархом? Кто больше *хвалился* силой и властью, чем Никон Патриарх Великой, Малой и Белой Руси? Увы, он пал в колодезь как пес со всеми своими лапами, или, лучше, как Люцифер, ниспавший с неба в ад, уготованный им для него самого. Никон погиб и память о нем

прошла как пустой звук, и его *надменная гордость* спета и превращена, подобно факелу, в пепел... позднее поднявшись, вопреки всякому ожиданию, до высокого достоинства патриаршего титула, он *безумным честолюбием Люцифера* покушался поставить свой патриарший престол выше других патриарших престолов... *надменный* Никон стремился превзойти Царя в достоинстве, во всем *выдвигал самого себя*, стал Протеем и этим повергал в хаос управление царством и обычай общества... читатель, обрати внимание со мной на *надменность* Никона, который воспринял как пример Христа не умовением ног Своих учеников, а восседанием на осляти с ветвями вай” (перевод мой – *Н.В.*) [2: 258, 157–158, 117, 306]. Благодаря произведению Лигарида, в историю вошел тезис о надменности, амбициозности и непомерной гордыне патриарха Никона.

Оценки П. Лигарида в дореволюционной отечественной историографии немногим отличались от мнений современников и, прежде всего, опального патриарха Никона. Практически все обвиняли Паисия Лигарида в двурушничестве и корыстолюбии, разница в оценках сводилась к большей или меньшей критике Лигарида. Так, П. Пирлинг назвал его “тнусным корыстолюб-

цем”, А.А. Быков – “умным пройдохой”, М.В. Зызыкин – “наемным слугой”, “миссионером и разведчиком Римской конгрегации пропаганды веры, тайным католиком”. Н.Ф. Каптерев, к примеру, называл Лигарида “запрещенным архиереем-авантюристом”. А.В. Карташев – “греком-проходимцем, лже-митрополитом”.

Во времена Петра I, уничтожившего патриаршество на Руси, фигура Никона приобрела одиозный характер. По свидетельству Андрея Нартова, одного из сподвижников великого реформатора, Петр I стремился обуздать церковную власть: “Богу изволившу исправлять мне гражданство и духовенство, – говаривал Петр I о Никоне, – я им обоим – государь и патриарх... Многому злу корень – старцы и попы! Отец мой имел дело с одним бородачем, а я с тысячами” [3: 72, 101]. С 24 февраля 1710 г. по декабрь 1713 г. по приказу Петра I графом Н.М. Зотовым было разобрано и переписано в Ближней канцелярии дело Тайного Приказа, хранившееся в Печатном Приказе “Дело” патриарха Никона (в марте 1697 г. была составлена опись столбцам Патриаршего Разряда, где говорилось, что записанные дела – подлинники, листы – некогда разрознены, но ныне – разобраны в столбцы и описаны. Столбцов было 22, к делу Патриарха Никона относилось 5).

В 1720-х гг. в придворных кругах возникают рассказы-анекдоты о патриархе Никоне [4; 5: 320–333; 6: 124–190]. Один из самых известных анекдотов, опубликованный в “Русском архиве” [7: 698] рассказывает о том, что император Петр в дружеской компании, “притом после обеда, говорит о причинах распри патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем”, которая состоит в двух пунктах: во-первых, “подкупленный поляками, вызвал царя из похода в Москву, под предлогом случившегося здесь возмущения, которого на самом деле не было; во-вторых, научил и принудил царского духовника запретить царю причащение св. тайн”. “Анекдот” был посвящен П. Алексеевым императору Павлу “не для того, чтобы обесславить прежде усопших мужей... но единственно для удовольствия любопытства о древней церковной российской истории и для сорассуждения о настоящей и будущей участи православные нашей церкви” [8: 699]. Петр будто бы говорил, что “Никон заразился духом папского властолюбия” [9: 700–702]. Это выражалось, по мнению Алексева, в приложении к Кормчей подложной грамоты императора Константина и в пышности публичных церемоний, особенно Вербного воскресенья. Н.И. Субботин опубликовал свой комментарий

на так называемый “анекдот” Петра Алексева – он пишет: “Как надобно понимать его, и что надобно думать о самом ученом его произведении? Алексеев с неумолимой строгостью судит о Никоне, все несчастное дело патриарха объясняет из его непомерного властолюбия, из стремления сделаться первым лицом в государстве, стать выше самого царя” [5: 326–328]. Субботин настаивает на том, что смысл не в расширении власти патриаршей в ущерб власти государственной, а в отстаивании интересов власти духовной.

Таким образом, в начале XVIII столетия складывался символический стереотип “патриарх Никон – папист, теократ”, ставший нарративно представленным элементом новой политической мифологии. Формировался новый пантеон культурных героев, который предполагал и сакрализацию монарха, и культ светской святости, и отказ от святости православной, где опальный патриарх занимал место антигероя. В 1700 г. строительство Воскресенского монастыря было приостановлено, до 50-х гг. XIX в. на месте кончины патриарха Никона не был восстановлен крест. В этих условиях образ патриарха Никона получил свою мистифицированно-мифологизированную интерпретацию как “реформатора Церкви”, гонителя староверов, папоцезариста-теократа, стремящегося возвыситься над царем, захватить государственную власть.

Отметим, что в рамках апологетической традиции в XVIII – начале XIX вв. по проблеме изучения воззрений, личности и деяний Святейшего Патриарха Никона были изданы: в 1773 г. – Чин избрания на патриаршеский Российский престол; в 1788–1791 гг. – “Древняя российская вивлиофика”; в 1803 г. – Деяния Московского Собора 1654 г. [8: 164–297; 9: 290; 10].

В.Н. Татищев лишь вскользь упомянул о патриархе Никоне, когда писал о реформе епархиального управления царя Федора Алексеевича [11: 381]. Доказывая преимущества самодержавного правления для России, он писал: “Вышеобъявленный (т.е. боярское правление), беспутный и государству вредный правления порядок неколико Царь Алексей Михайлович исправил и власти своея прибавил, коему властолюбивый Патриарх Никон столько в том воспрепятствовал, что он не мог совершенно самовластия получить, а по свержению онаго, болезни и другия препятствия не допустили” [12: 545]. Историк полагал, что борьба, возникшая из-за притязаний Никона, помешала Алексею Михайловичу довести свое дело до конца; а в борьбе с Никонном он нуждался в поддержке бояр, причем лица

не родовитые, сами терпевшие от бояр, благосклоннее относились и к патриарху Никону. Например, А.Л. Ордин-Нащокин [12: 168, 187; 13: 16–33]. Низложение патриарха Никона оценивалось В.Н. Татищевым как позитивный вклад в укрепление российской государственности.

М.М. Щербатов предостерегает государственную власть о мнимых захватах Никоном властных прерогатив: “архиереи и другие духовные особы... суть люди почтенны их саном, а часто и пронырством, сочиняющие корпус между собой, яко беспристрастно борющиеся для приобретения себе больше силы... правда, поныне не видно еще, чтобы архиереи многое захватили, но посторонние тому обстоятельства противились” [14: 389; 15].

Во второй половине XVIII в. изучение церковных реформ и в этом контексте личности патриарха Никона предпринималось с позиций рационального восприятия мира, развития светской науки. Просвещенный абсолютизм, рациональный подход к истории, противопоставление схоластике идеалов Добра и Справедливости сформировали у историков этого периода особый ракурс рассмотрения церковной истории XVII в. Рационалистический дух столетия значительно повлиял на расстановку акцентов в оценке церковно-исторических событий. Светская культура, освобожденная от православной парадигмы, предложила утилитарный взгляд на Церковь, религию как орудие государственных интересов, на духовенство как силу враждебную просвещению народа, стремящуюся к обогащению и власти и, следовательно, весьма опасную. На это влияли социальные условия науки того времени (существование в “полицейском государстве”). Иностранцы XVIII в. (Пьер-Шарль Левеск (1736–1812) и Иоганн Бакмейстер (Johann Bachmeister) в “Жизнеописании патриарха Никона” (“*Benträge für Lebensgeschichte des Patriarchen Nikon*”)) рассматривали фигуру патриарха Никона как борца с Соборным Уложением. В монографии Бакмейстера, написанной в 1784 г., вина за низложение патриарха Никона возлагается на бояр: “*Endlich am der genannte Vojar zum brittenmal, mit dem Bermelded, das der Zar ihm erlaube, Sich nach einem ihm beliebigen Kloster zu begeben*”. Бакмейстер приводит переписку патриарха Никона с царем, отрывки из “Возражения” [16; 17; 18: 47].

Таким образом, в отличие от отечественных историков, Левеск и Бакмейстер опирались на эпистолярное наследие патриарха Никона и его концептуальные труды. Отечественные истори-

ки рассматривали личность патриарха Никона в рамках господствующей идеологии, т.е. в рамках феномена, определяющего понимание происходящего и претендующего на внерационалистическое поклонение в качестве абсолютной, безальтернативной истины, идеологии как системы ценностноокрашенных стереотипов в рамках нарративно представленных политических символов.

В начале XIX столетия Н.М. Карамзин рассматривал патриаршество Никона через призму угрозы для государственности. Эта угроза заключалась в самом институте патриаршества: “верховная степень в нашей церкви (патриаршество – *H.V.*), через 110 лет неиспроверженная самодержавцем Великим, как бесполезная для Церкви и вредная для единовластия государей... Петр I знал историю Никона и разделил, чтобы ослабить власть духовную; он уничтожил бы и сан митрополита... Петр царствовал и хотел только слуг” [19: 73]. Этот институт, по мнению Н.М. Карамзина, был, с одной стороны, бесполезен для церкви, и, с другой, вреден для государства, подрывая в нем принцип единовластия. Дело патриарха Никона показано как происходящее из самого факта существования патриарха во главе церкви. Уроками, извлеченными из борьбы царской и патриаршей власти, он объяснял синодальную реформу Петра I.

В парадигме историко-культурологического редуционизма выполнена работа Ю.Ф. Самарина, где он отмечает стремление патриарха Никона безусловно отрешить церковные владыки, управление ими и судопроизводство в них от всякой подчиненности верховной власти, изолировав их в государстве. Эти выводы Самарин подтверждает выписками из свидетельских показаний по делу Романа Боборыкина, якобы “единоличный суд” над Павлом Коломенским. При этом Самарин подчеркивает, что многие из обвинений были внушены личной ненавистью и носят признаки грубой клеветы (самовольное присвоение титула Великого Государя, непризнание соборных постановлений, постройка монастырей с похищением собственности и др.). Идеологические воззрения Ю.Ф. Самарин маркирует как “частный национальный папизм” [20: 226, 230].

Таким образом, первый период с XVIII в. до 60-х гг. XIX в. определяется тем, что исторические, политико-, социально- и психолого-культурологические реконструкции образа патриарха Никона в отечественной историографии выстраивались через призму нормативизации

патриарха как культурного антигероя в рамках строго определенного политического мифа, это была связанная система стереотипно-повторяющегося образа. Вполне очевидно, что историческое письмо самой своей природой обречено на постоянное метание между сциентистским дискурсом и мифологическим нарративом. Цензурные сложности, неразработанность, да и недоступность архивной базы, определенная заданность рамок рассмотрения проблемы патриаршества в России привели к искусственному моделированию образа патриарха Никона как развенчанного антигероя. С другой стороны, в рамках апологетического направления создавался методологический аппарат, способствующий возможному осмыслению источниковой базы: было издано “Судное дело” патриарха Никона; “Известие” И.К. Шушерина. Патриарх Никон стал рассматриваться, прежде всего, как православный пастырь, предстоятель, церковный, а не государственный деятель. Возможно, такая постановка вопроса определялась и тем, что авторы (в подавляющем большинстве монашествующие) ориентировались на святоотеческие мировоззренческие установки.

Литература

1. *Гиббенет Н.И.* Историческое исследование дела Патриарха Никона. Ч. 1. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1882.
2. *Palmer W.* The Patriarch and the Tsar. – L.: Trubner, 1871. – Vol. 2.
3. *Майков Л.Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом // Сборник от деления русского языка и словесности имп. Академии наук. – 1891. – Т. 52. – №8.
4. *Н. С-н.* Рассказ Петра Великого о Никоне патриархе. – [Б.м. : б.и.], 1864. – С 321–333. – Отд. отд. из Рус. вестника за 1864 г. – Т. 49.
5. *Субботин Н.И.* Замечания на рассказ Петра I о патриархе Никоне // Русский Вестник. – 1864. – XLIX.
6. *Перетц В.Н.* Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII–XVIII вв. // Известия отделения Академии наук. – 1900. – Т. V. – Кн. I. – С. 124–190.
7. *[Алексеев Петр].* Рассказ Петра Великого о Патриархе Никоне. Всеподданнейшее письмо протоиерея Алексеева к императору Петру Павловичу [1797 г.] // Русский архив. – 1863. – Вып. 8–9. – Стб. 697–707.
8. Чин избрания на патриаршеский Российский престол // Древняя Российская вивлиофика. – СПб., 1773. – Ч. 1.
9. Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. – 2-е изд. – М., 1788–1791. – Ч. I–XX.
10. Деяния Московского Собора, бывшего в царских палатах в лета от создания мира 7162 (1654), от воплощения же Божия Слова 1654. – М., 1803.
11. *Татищев В.Н.* История Российская: В 7 т. Т. 7. – Л.: Наука, 1968.
12. *Михайловский С.В.*, протоиерей. Жизнь Святейшаго Никона, Патриарха Всероссийского. – М.: Издание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, 1878.
13. *Кошелева О.Е.* Боярство и дело патриарха Никона // Проблемы истории СССР. – М., 1982. – Вып. 12.
14. *Щербатов М.М.* Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по представлении Царя Иоанна Васильевича; а паче о Междугосударствовании по кончине Царя Федора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в Царствование благоверного Государя Алексея Михайловича в 7163 (1655) году. – СПб., 1771.
15. *Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен, сочиненная кн. Михаилом Щербатовым. Т. VII. Ч. 2. – СПб., 1904.
16. *Levesque Pierre Charles.* Histoire de Russie, et des principales nations de l'empire Russe. 5 vols. – Paris, 1782.
17. *Levesque Pierre Charles.* Histoire de Russie. V. 8. – Hambourg et Brunswick: Cher Pierre-Francois Fauche et Compagnie, 1800.
18. *Bachmeister J.* Benträge für Lebensgeschichte des Patriarchen Nikon aus russischen Nachrichten zusammengetragen von T.V. – Riga, 1788.
19. *Карамзин Н.М.* История государства российского. – М.: Наука, 1989. – Т. X.
20. *Самарин Ю.Ф.* Феофан Прокопович и Стефан Яворский. – М., 1843. – Т. V.